

МАУГЛИ И ЕГО БРАТЬЯ

I

Над Сеонийскими холмами спускалась тихая тёплая ночь. Уже вошла луна, когда Волк-отец пробудился после дневного отдыха. Чуть приподнявшись и зевнув, он потянулся сначала передними, потом задними лапами, встряхнулся, помотал головой. Волчиха-мать всё ещё лежала, уткнувшись носом в подстилку, между четырьмя волчатами, которые копошились и пищали. Свет луны проникал через отверстие входа в небольшую пещеру, где устроила себе логово волчья семья.

— Вррр! — проворчал Волк-отец. — Пора отправляться на охоту.

И он шагнул было к выходу, намереваясь бежать в долину, как вдруг отверстие заслонила небольшая тень с пушистым хвостом. Какой-то зверёк нерешительно остановился у входа в пещеру и жалобно пропищал:

— Мир тебе, предводитель волков, твоему дому и твоим деткам! Да ниспошлёт судьба им удачу, пусть растут на славу джунглей, но не забывают, что есть на свете несчастные и голодные.

Волк-отец узнал этого попрошайку: шакал Табаки, любитель подбирать объедки и устраивать всякие пакости. Волки не любят Табаки за мерзкий характер, однако побаиваются, так как он чаще других обитателей джунглей впадает в бешенство. В таком состоянии он никого не страшится, носится по джунглям

и кусает всех, кого встретит. Даже тигры спешат скрыться, когда завидят злобного взбесившегося шакала. Все звери страшно боятся бешенства: это самое большое несчастье, какое может свалиться на голову свободного обитателя джунглей. Люди тоже страдают от этой болезни — обычно в сезон дождей — и называют её «водобоязнь».

— Ну, заходи, поищи себе чего-нибудь, — сухо продолжил Волк-отец. — Только вряд ли что найдёшь.

— О, это благородному волку здесь нечем поживиться, а для такой ничтожной твари, как я, обглоданная кость отличное лакомство. Где уж нам, низменным гидурлогам, шакальему племени, выбирать, что хорошо, что худо?

Табаки пробрался в глубь пещеры, нашёл в углу засохшую полуобглоданную кость и тотчас принялся её грызть.

— Премного благодарны за щедрое угощение! — раздавалось из темноты между хрустом и чавканьем. — О, какие красивые у вас детки! Какие большие у них глазки! Такие малышки, а уже такие смышлёные! Да, недаром говорят, что дети владык рождаются владыками!

Лесть лилась из Табаки рекой, хотя он отлично знал, что хвалить детей в глаза — признак очень дурного тона, но уж такой у него гадкий характер. Ему доставляло удовольствие видеть, как оба родителя места себе не находят.

Довольный, что ему удалось напакостить, Табаки на некоторое время замолчал, но вскоре опять взялся за своё:

— Я вот что слышал: владыка Шер-Хан собирается поохотиться здесь, в ваших краях, в ближайшую луну. Так его милость соблаговолил сказать мне.

Обитал тигр Шер-Хан, про которого говорил Табаки, выше по реке Вайнганге, километрах в двадцати-тридцати от пещеры.

— С какой стати? — возмутился Волк-отец. — По Закону джунглей он не может переменить место охоты, не известив об этом заранее соседей. Он распушает дичь на десятки километров кругом, а мне теперь приходится добывать пропитание за двоих.

— Недаром его с рождения зовут Ленгри — Хромым, — заметила Волчица-мать. — Он хромает на одну ногу, потому и охотится только на домашний скот. Местные крестьяне потеряли терпение и принялись устраивать на него облавы, вот он и решил перебраться сюда. Он здесь будет пакостить, а мы за него отвечать. Он потом уйдёт в какое-нибудь другое место, а крестьяне возьмут да и подпалят наши джунгли. Нечего сказать, хорош повелитель этот твой Шер-Хан!

— Может, мне так и передать его милости? Мол, благодарите, то-сё... — прогнусавил Табаки.

— Вон! Сию минуту вон! Отправляйся к своему повелителю! — не выдержал Волк-отец. — Довольно и тех мерзостей, что ты успел натворить этой ночью.

— О, конечно-конечно! Уже ухожу, — твякнул Табаки. — Да вот, кстати, и владыка Шер-Хан: слышите его голос? Так что зря я старался, передавал вам известия о его прибытии.

Волк-отец прислушался. Действительно, из глубины оврага, где протекал ручей, доносились отрывистые, хриплые звуки тигра, явно разочарованного: похоже, от него ускользнула добыча. Его даже не смущало, что теперь об этом узнают все джунгли.

— Да кто же начинает ночную охоту таким шумом? — возмутился Волк-отец. — Неужели он думает, что наши лани похожи на жирных быков, которые пасутся в долине Вайнганги?

— Ш-ш-ш! Нет, это не на быка и не на лань он сейчас охотится, — тревожно прошептала Волчица-мать, — а на человека!

Вой тем временем сменился рычанием, от которого кровь стыла в жилах, который приводил в ужас дровосеков и цыган, если тем случалось заночевать под открытым небом. Этот звук заставлял их вскакивать с места и бросаться куда глаза глядят — порой даже в пасть тигра.

— Да, так и есть! Охотится на человека! — оскалился Волк-отец. — Вот мерзавец! Мало ему лягушек в болоте. Это же надо: закусить человеком, и притом на нашей земле!

II

Закон джунглей не запрещает ничего, кроме охоты на человека, за одним-единственным исключением. Нападать на человека можно лишь в том случае, если нужно показать детёнышам, как следует охотиться, но только в той местности, где обычно охотится племя. В противном случае в джунглях появляются белые люди на слонах с ружьями, а за ними сотни темнокожих с гонгами и факелами, и от этого страдают поголовно все обитатели. Сами же звери толкуют мудрый Закон иначе. Они говорят, что человек — существо слабое и беззащитное и нападать на такую дичь уважающему себя охотнику неприлично. К тому же обитатели джунглей свято верят, что у людоедов выпадает не только шерсть, но и зубы.

Тем временем ворчание приближалось, но вдруг его сменил оглушительный рык, а вслед за ним по джунглям разнёсся отчаянный вой, совсем не похожий на мощный голос тигра.

— Похоже, не повезло, — заключила Волчица-мать. — Что бы это могло значить?

Волк-отец высунулся из пещеры и вдруг услышал яростное завывание Шер-Хана, который метался где-то в гуще кустарника.

— Там, внизу, дровосеки жгут костёр — видно, он прыгнул сдуру и обжёг лапы, — сказал, вернувшись в пещеру, Волк-отец. — И этот пакостник Табаки тоже с ним.

Волчица-мать вдруг насторожилась и тревожно сказала:

— Кто-то поднимается на холм: надо бы посмотреть.

Из кустарника послышались шорохи, и Волк-отец припал на задние лапы, изготовившись к прыжку, но прыгнул как-то странно: словно испугавшись, подскокил вверх и приземлился на том же месте, обескураженно пробормотав:

— Человек! Там человеческий детёныш...

Прямо напротив Волка стоял, держась за ветку, темнокожий ребёнок, явно едва научившийся ходить. В следующее мгновение совершенно голый малютка засмеялся и направился прямо к нему.

— Это детёныш человека? — удивилась Волчица. — Вот он какой! Я никогда ещё не видела человеческих детёнышей. Принеси-ка его сюда.

Волк привык переносить в пасти своих волчат, мог бы и яйцо зубами взять, не раздавив, поэтому его челюсти, плотно обхватив ребёнка, не причинили ему никакого вреда. Волк принёс ребёнка в пещеру и положил рядом со своими волчатами.

— Какой он маленький и совсем голый, без шерсти! А смелый какой! — засмеялась Волчица, когда малыш растолкал волчат и добрался до её тёплого бока. — Смотри! Он голодный, как настоящий волчонок. Ишь как присосался! Едва ли ещё найдётся волчица, которая могла бы похвастать, что кормила своим молоком человека!

— Нет, такое бывало: мне как-то приходилось слышать, — но только это было давно и не в нашей стае, — возразил Волк-отец. — Ведь поди ж ты, совсем без

шерсти; стоило мне лапой махнуть — и всё, а он не боится, смотрит прямо в глаза да ещё улыбается!

Вдруг лунный свет, проникавший в пещеру, сразу померк, и огромная квадратная голова загородила отверстие. Широкие плечи не позволяли тигру пролезть внутрь, поэтому он зарычал, из-за спины его тут же раздался противный лай Табаки:

— Мой господин! Я видел, он спрятался именно сюда. Видел собственными глазами!

— Шер-Хан лично нас посетил? Это великая честь, — стараясь не выдать гнева, спокойно проговорил Волк-отец. — Что привело к нам владыку?

— Моя добыча! Верните мою добычу! — прорычал Шер-Хан. — Вы спрятали человеческого детёныша! Родители его бросили и убежали, так что он мой!

Как и предполагал глава волчьего семейства, Шер-Хан угодил в костёр дровосеков, остановившихся на ночлег, и сильно обжог лапы. Это привело его в ярость. Волки, однако, не очень-то испугались, поскольку знали, что зверь не сможет протиснуться сквозь узкое отверстие в пещеру — разве что мордой и передними лапами. Шер-Хану не удастся дотянуться до ребёнка в любом случае — скорее застрянет.

— Волки — свободные обитатели джунглей! — резко возразил Волк-отец. — И повинуются лишь вожаку своей стаи. Им нет никакого дела до полосатых воров, таскающих телят. Человеческий детёныш наш и не достанется никому другому! Нам решать, что с ним делать.

— Да что вы о себе возомнили! Долго я ещё буду торчать у вашей собачьей норы и ждать, пока мне вернут законную добычу? Забыли, кто перед вами? Сам повелитель Шер-Хан!

Пещеру огласил рёв расвирепевшего тигра, но это никого не испугало. Волчица резким движением стряхнула с себя детёнышей и бесстрашно прыгнула к входу

в пещеру. Её глаза вспыхнули зелёным пламенем гнева и смело встретили сверкающий взгляд Шер-Хана.

— А ты знаешь, хромоногий убийца, кто перед тобой? Я Ракша — бесстрашный демон, и я повторяю: человеческий детёныш мой! Я не дам его убить. Он будет жить и расти вместе со стаей, а когда повзрослеет, с ней же станет охотиться. А ты, бесстрашный охотник на домашний скот и маленьких беззащитных детей, пожиратель лягушек и рыбоед, запомни: настанет час, когда этот самый детёныш придёт и убьёт тебя! Теперь же убирайся, да поторопись, а не то, клянусь оленем, которого убила (я ведь не ем дохлятину, как ты), как бы тебе не захромать и на остальные лапы. Вон отсюда, палёная кошка!

Волк-отец с удивлением смотрел на свою подругу, успев позабыть тот день, когда добыл её себе, выдержав схватку с пятью сородичами. Не зря её в стае называли Ракшей, то есть демоном: она всегда оправдывала это прозвище. И Шер-Хан, который без страха смотрел в глаза Волку-отцу, не мог выдержать огненного взгляда Волчицы-матери. К тому же он хорошо понимал, что все преимущества на стороне Волчицы, если она вздумает завязать смертный бой, поэтому поспешил отойти от входа, прорывав:

— Каждая собака огрызается у себя в норе. Посмотрим, что скажет стая, когда узнает, кого вы пригрели. Детёныш мой, и ему один путь — ко мне в пасть. Помните это, серые!

III

Волчица-мать опустилась на своё место возле детёнышей, порывая в негодовании, а Волк-отец серьёзно заметил:

— Шер-Хан на сей раз прав: детёныша придётся показать стае. А ты что, надумала держать его при себе?

— И никак иначе! — заявила Волчица. — Он пришёл к нам ночью, один, голодный, и не побоялся! Смотри, как он храбро подвинул волчонка и занял его место! А этот хромой мясник хотел его сожрать, затем дать тягу, а нам пришлось бы расплачиваться. Даже не думай, что я его отпущу от себя. Смотри, как ворочается лягушонок! Вот и придумала, как станем его звать: Маугли-лягушкой. Придёт время, и ты, малыш, станешь охотиться на Шер-Хана, как он охотился на тебя.

— А что скажет на это стая? — тяжело вздохнул Волк-отец.

Закон джунглей гласит, что всякий подросший волк, когда находит себе подругу, может оставить стаю, но до того, как детёныши начинают бегать, их следует представить на совет стаи, чтобы другие волки с ними познакомились и стали признавать. Такой совет собирался обыкновенно раз в месяц, в лунную ночь, и после осмотра стаи молодые волчата могли свободно бегать где вздумается. Но до тех пор, пока им не удастся самостоятельно поймать свою первую добычу, волку, который убил бы такого волчонка, не может быть никакого оправдания. Наказание за это одно — смерть, если только удастся отыскать убийцу. Иначе и быть не может.

Волк-отец дождался, когда волчата стали уверенно держаться на лапах и немного бегать, и в одну из ночей, в полнолуние, повёл их на совет стаи вместе с Маугли и Волчицей. Стая собиралась на скале Совета — возвышенности среди валунов, где могло свободно укрыться от посторонних взглядов до сотни волков. Акела, большой серый волк-одиночка, был вожаком и занимал отдельный камень, вытянувшись во всю длину. Все остальные волки — от молодняка до опытных матёрых волков, каждый из которых мог бы легко взвалить на спину и унести оленя, — расположились ниже. Акела благодаря своей силе и мудрости был бессмен-

ным предводителем стаи уже на протяжении нескольких лет. В молодости он дважды попадал в капкан, один раз его избили до полусмерти и оставили умирать, так что ему лучше, чем кому бы то ни было другому в стае, были известны нравы и обычаи людей. Молодых волчат, которых привели для осмотра, поместили в центр круга, рядом с родителями. Время от времени к ним подходил то один волк, то другой: присматривался, обнюхивал их и возвращался на своё место. Остальные молчали, чтобы не мешать производить осмотр. Временами то одна мамаша, то другая подталкивала которого-либо из детёнышей туда, где посветлее, чтобы подходившие взрослые волки могли получше его рассмотреть.

Среди торжественной тишины время от времени раздавался голос вожака стаи:

— Вы знаете Закон, волки! Знаете Закон, так что смотрите хорошенько!

В унисон с ним ворчали и мамыши, озабоченные судьбой отпрысков:

— Да, смотрите хорошенько, волки, смотрите внимательнее!

Дошла очередь и до Маугли. Волчица-мать оцетирилась, когда Волк-отец вытолкнул малыша на лунный свет, но ребёнок уселся и принялся беззаботно играть блестящими камешками.

Акела по-прежнему лежал на своём камне, вытянув морду между лапами, ни на кого не глядя, и только протяжно выводил:

— Вы знаете Закон! Осматривайте внимательнее!

Вдруг из-за камней, ограждавших место совета, раздался сдавленный рёв:

— Этот человеческий детёныш принадлежит мне. Какое дело свободному племени волков до человеческого отродья?!

Все узнали голос Шер-Хана, а у Акелы даже уши не дрогнули, он по-прежнему протяжно выводил своё:

— Смотрите хорошо, волки! Вы знаете Закон! Свободному племени не резон слушать тех, кто к нему не принадлежит! Смотрите внимательно!

Вдруг из задних рядов раздалось многоголосое ворчание, и один из молодых волков-трёхлеток выпрыгнул из-за спины Шер-Хана на середину и остановился напротив Акелы:

— Но какое дело свободному племени до человеческого отродья? Закон джунглей гласит: если возникнет спор относительно того, принять ли или не принять кого-то из детёнышей в стаю, то за него должны вступиться по крайней мере двое из присутствующих, исключая родителей.

Вдруг в наступившей тишине раздался голос, чуждый стае, принадлежавший единственному жителю джунглей, которому разрешалось говорить на совете. Это был Балу, вечно сонный добродушный бурый медведь, который обучал молодых волчат Закону джунглей. Поскольку он питается только орехами, корнями да мёдом диких пчёл, никто не препятствовал его передвижениям, и он присутствовал на советах.

— Да что он вам дался-то? Какой нам вред от человеческого детёныша? Я не мастер говорить, но за него замолвлю словечко. Пусть себе бегаёт вместе с другими, а я возьмусь учить его.

— Нужен ещё один голос, — провозгласил Акела. — Балу, учитель наших детёнышей, высказался за. Кто ещё готов говорить?

Тогда в центр круга, образованного волками, бесшумно проскользнула длинная чёрная тень. Это была Багира, чёрная как уголь пантера с заметным в лунном свете пятнистым отливом, свойственным этим леопардам. Всякий обитатель джунглей знал Багиру, но ни у кого не возни-

кало желания встретиться с ней где-нибудь на узкой тропинке. Багира была столь же хитра, как Табаки, сильна, как буйвол, и бесстрашна, как раненый слон.

— О, Акела, и вы, свободные волки, — голосом слаще мёда диких пчёл промурлыкала Багира, — я, конечно, не имею права говорить на вашем совете, но мне известно, что по Закону джунглей можно выкупить жизнь детёныша, по поводу которого возникает спор. Так гласит Закон, но кто может или не может внести выкуп, в нём не говорится. Я правильно излагаю, свободные волки?

— Правильно! Правильно! — раздались многочисленные голоса молодых, вечно голодных волков, которые прямо растаяли, услышав про выкуп. — Слушайте, слушайте Багиру! Детёныша можно принять за выкуп! Закон на этот счёт говорит совершенно ясно!

— Зная, что не имею права утруждать ваше внимание, свободные волки, я умолкаю.

— Говори, Багира, продолжай, — раздалось не меньше двух десятков голосов.

— Что ж, хорошо, я буду в таком случае говорить, — милостиво произнесла чёрная пантера. — Согласитесь, что убить голого беззащитного детёныша не делает никому чести. К тому же не забудьте: когда подрастёт, он может стать вам очень полезным. Балу сказал за него своё слово, ну а я хочу предложить вам за него вместо слова целого быка, притом прежирного, что пасётся неподалёку. Я отдам его вам, если согласитесь согласно Закону джунглей принять человеческого детёныша в свою стаю. Ну как, согласны или, может, есть ещё какие-то затруднения?

В ответ раздался нестройный гул голосов:

— За чем дело стало? Довольно уже обсуждать! Пусть живёт! С наступлением дождей мы отделаемся от него: он сам погибнет — или от холода, или от жары.

Стоит ли так волноваться из-за какой-то голой лягушки! Давайте примем его поскорее в нашу стаю, и дело с концом! Где бык, Багира? Да принимаем его, принимаем!

Весь этот нестройный хор голодных волков покрыл протяжный, спокойный, могучий голос Акелы:

— Смотрите хорошенько, волки! Вы знаете Закон!

А Маугли меж тем продолжал играть с камешками, не обращая ни малейшего внимания на подходивших волков, которые его осматривали и обнюхивали. Наконец все волки мало-помалу спустились с холма в долину, куда пантера принесла быка. На скале остались только Акела, Балу, Багира и волки, приютившие Маугли. Ночную тишину разрывал лишь рёв Шер-Хана, всё выражавшего своё недовольство.

— Реви сколько вздумается, — пробормотала себе под нос Багира. — Придёт день, и это маленькое голое существо заставит тебя реветь по-настоящему. Так и будет, уверена, а если нет — значит, я не знаю людей.

— Мы поступили мудро, — проговорил Акела. — Люди и их дети умны и сообразительны. Со временем этот приёмыш может нам очень пригодиться.

— О, несомненно! Разве можно быть уверенным, что предводитель стаи навсегда останется прежним, — многозначительно заметила Багира.

Акела предпочёл проигнорировать слова пантеры — лишь понурился, подумав, что для каждого вожака стаи наступает час, когда ему начинают изменять крепкие ноги и острые зубы, когда сила постепенно оставляет мощное тело, пока в один несчастный день не кинутся на него, одряхлевшего, молодые волки и не загрызут, чтобы вместо него выбрать нового вожака, которого со временем постигнет та же участь.

— Прими его к себе, — сказал Акела Волку-отцу, — и воспитай так, как полагается волкам свободного племени.

Так Маугли благодаря слову медведя Балу и выкупу, предложенному Багирой, сделался полноправным членом волчьей стаи на Сеонийских холмах.

IV

Мы можем только догадываться, как жил Маугли среди волков первые десять-одиннадцать лет, и могли бы написать об этом не одну книгу. Его братья-волчата стали взрослыми волками, в то время когда Маугли оставался ребёнком. Волк-отец учил его всему, что должен знать представитель свободного племени, и скоро Маугли стал понимать сокровенный смысл всего, что происходило в джунглях. Его слух улавливал теперь даже самые тихие звуки: шорох травы, легчайшее дуновение тёплого ночного ветра; он понимал даже едва ощутимые оттенки в крике ночной птицы; слышал прикосновение когтя летучей мыши к коре дерева и плеск рыбы в реке. Все эти ночные звуки были ему очень понятны теперь и ясны.

Когда Маугли не учился чему-нибудь, то разваливался на солнце и засыпал, просыпался, ел и засыпал опять; когда чувствовал жажду или изнывал от жары, спускался к лесному озеру и купался; когда ему хотелось мёда (Балу говорил, что мёд диких пчёл и орехи ничуть не хуже сырого мяса, которое едят волки), карабкался на высокие стволы, как научила Багира. Бывало, уляжется где-нибудь в ветвях и крикнет Маугли: «Поднимайся ко мне, Маленький братец», — и он первое время с трудом, как молодой неуклюжий медвежонок, медленно карабкался вверх, но скоро научился стрелой взлетать даже на высокие деревья не хуже обезьян. У него уже было своё место на скале Совета, и, посещая эти собрания, он открыл в себе одно замечательное свойство.

Стоило ему кому-то посмотреть в глаза — хотя бы даже самому сильному волку, — как тот, не выдержав его взгляда, робко отворачивался. Маугли не раз пользовался этим своим свойством, если хотел над кем-нибудь пошутить. Частенько ему приходилось вынимать занозы из лап своих друзей, которые постоянно страдали от игл и шипов.

Иногда ночью он спускался с гор, доходил до того места, где начинались возделанные земли, и с удивлением смотрел на людей в их жилищах. Страх и недоверие к ним чувствовал Маугли с того момента, когда Багира показала ему капкан, так искусно скрытый среди леса, что он чуть было не попал в него. Пантера объяснила тогда, что эта ловушка устроена для свободных обитателей джунглей.

Больше всего ему нравилось бродить с Багирой в непроходимых дебрях, где тепло и сыро, спать у неё на боку туманными днями, а ночью наблюдать за её охотой. Багира, когда бывала голодна, убивала без разбору направо и налево. Её примеру подражал и Маугли до тех пор, пока не подрос. Тогда Багира объяснила:

— В джунглях ты можешь охотиться на кого угодно, но из уважения к памяти быка, который стал твоим выкупом, ты не должен ни убивать, ни есть домашний скот. Этого требует Закон джунглей.

И Маугли никогда его не нарушал.

Мальчик рос и становился таким крепким и сильным, как ни один из его ровесников, живших среди людей. Да и неудивительно: единственной его заботой было добыть себе пищу.

Мать-волчица предупреждала его, чтобы особенно осторожно относился к Шер-Хану, но в то же время уверяла, что придёт день, когда он станет сильнее тигра и убьёт его. Молодому волку было бы достаточно сказать один раз, и это прочно засело бы в его голове, но Маугли

оставался ещё ребёнком, потому нет ничего удивительного, что очень скоро забыл предупреждение матери.

Шер-Хан же, напротив, в последнее время стал гораздо чаще посещать места, где жила и охотилась стая с Сеонийских холмов. Дело в том, что Акела очень состарился и изо дня в день становился всё слабее. Пользуясь этим, хромоногий тигр приобрёл кучу друзей среди молодых волков, которые целой стаей ходили за ним, питаясь останками добытых им животных. Будь у Акелы прежняя сила, он сумел бы наказать своих волков за такую низость. Шер-Хан постоянно настраивал новых друзей против старого вожака, выражал удивление, как такие молодые и удалые охотники позволяют, чтобы их вожаком был полуживой волк, у которого в любимцах человеческий детёныш.

«Мне даже рассказывали, — говорил Шер-Хан, — будто на собраниях совета вы не осмеливаетесь поднять на него взгляд».

От таких слов молодые волки злобно оцетинивались и ворчали.

Все эти сведения собрала Багира, от ушей и глаз которой не могло ничто укрыться, и дважды предупредила Маугли, что Шер-Хан подстерегает его, намереваясь убить, но тот в ответ только смеялся: «Да ведь у меня за спиной целая стая, да ещё ты и Балу. Хоть он и ленив, но ведь не пожалеет ради меня одного-двух взмахов своей лапы? Чего же мне бояться?»

В один из жарких дней Багира получила новое известие о планах Шер-Хана. Трудно сказать как, но, вероятнее всего, где-то подслушал дикобраз Икки и сообщил ей. И вот, когда Маугли отдыхал в глубине чащи, положив голову на роскошную мягкую шкуру Багиры, пантера ласково проговорила:

— Послушай, братец, сколько раз уже я говорила тебе, что Шер-Хан — твой самый опасный враг?